

УДК 159.9.016

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВИЛ ОБЩЕНИЯ ОНЛАЙН И ОФЛАЙН: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

© 2019 г. Г. У. Солдатова^{1,*}, Е. И. Рассказова^{1,2,**}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11/9, Россия.

²Научный центр психического здоровья;
115522, г. Москва, Каширское шоссе, д. 34, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности
факультета психологии. E-mail: soldatova.galina@gmail.com

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии
факультета психологии, старший научный сотрудник отдела медицинской психологии.
E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Поступила 25.06.2018

Аннотация. Цифровое пространство — постоянно присутствующее измерение социализации современного человека. Согласно концепции “цифрового гражданства”, по мере развития цифрового общества интернет “вбирает” и формирует новые правила общения и поведения. Целью данной работы является сравнительный анализ оценки подростками, молодыми людьми и родителями подростков соблюдения принятых в современном обществе правил общения как в реальной жизни (офлайн), так и онлайн, а также выявление связи между оценками соблюдения этих правил и некоторыми представлениями всех групп респондентов о причинах открытого выражения мнений и травли в интернете. Исследование проводилось в 2018 г. в 17 городах восьми федеральных округов России. В опросе приняли участие 1029 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, 525 подростков в возрасте от 12 до 13 лет, 736 молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет и 1105 родителей 12–17-летних подростков. Респонденты оценивали соблюдение правил в общении онлайн и офлайн, а также возможные причины предпочтения онлайн в выражении своего мнения и агрессии. Было показано, что онлайн-общение во многом подчиняется тем же правилам, что и взаимодействие офлайн, но подростки (особенно мальчики) менее склонны соблюдать любые правила общения. Расхождение в соблюдении правил в случае онлайн- и офлайн-коммуникации также максимально у подростков, но не зависит от пола. Во всех группах несоблюдение правил общения онлайн связано с представлением о том, что интернет дает возможность выплеснуть негатив и остаться безнаказанным. Предполагается, что, поскольку цифровая социализация происходит не в столь тесном контакте со взрослыми и часто без непосредственной обратной связи, личностное “взросление” подростков офлайн опережает онлайн. У взрослых же выработаны единые регуляторы в отношении общения, и разница офлайн и онлайн почти незаметна. Обсуждаются практические рекомендации для социальных программ.

Ключевые слова: цифровая социализация, правила общения, онлайн, интернет, подростки, межпоколенческие сравнения.

DOI: 10.31857/S020595920005472-5

Цифровое пространство — не просто часть жизни современного человека, а постоянно присутствующее измерение его социализации, в первую очередь для подростков, которые треть жизни тратят на сон, треть — живут в реальном мире, а еще

одну треть — в цифровом [5]. Исследования онлайн-рисков, которые доминируют в этой области, и способов совладания с ними свидетельствуют в пользу того, что онлайн-опыт цифрового поколения качественно отличается от их опыта офлайн [5, 9]. В то же время есть исследования, в которых показано, что сегодня молодые люди не чувствуют разницы между личным общением и общением по мобильному телефону; при этом при общении по телефону эта возрастная группа отдает

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00365, “Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе: внутривозрастной и межпоколенческий анализ”).

предпочтение *SMS*, а не устному разговору — отчасти потому, что их можно писать незаметно и держать в секрете, они облегчают общение в затруднительной ситуации, а также позволяют возвращаться к значимым сообщениям [12, 13]. Сочетание цифровой и традиционной социализации, которое сегодня определяет формирование гражданина общества, в том числе и как “цифрового гражданина”, задает для всех живущих поколений новый формат межличностной и межгрупповой коммуникации. Он предполагает сплетение привычных и устоявшихся норм и правил офлайн-общения и поведения с формирующимися на наших глазах в онлайн-контекстах новыми культурными практиками и способами поведения.

Как меняются нормы общения, обусловленные новыми векторами личностного развития, как формируются иерархии мотивов и моральные ценности там, где значимые взрослые часто не выступают источником субъективных норм и стремлений [10], а другие участники общения нередко даны лишь через их цифровые проявления? Классические исследования эффектов анонимности, авторитета, диффузии ответственности, получившие повсеместное признание после работ С. Милграма и Ф. Зимбардо, позволяют опасаться, что интернет, по мнению ряда исследователей, неся в себе квинтэссенцию этих эффектов [1], станет пространством порождения особых форм “культурной патологии” [7], в котором человек будет воспринимать онлайн как часть себя, своих психологических границ. Однако сегодня уже достаточно определенно можно говорить о качественном изменении структуры и содержания детства, его нормативных моделей [5]. Исчезает четкость противопоставления детства и взрослости как “образа потребного будущего” [3], когда все усилия воспитания и обучения в настоящем направлены на достижение вполне определенного идеала адекватного и успешного взрослого. Под влиянием технологических изменений этот идеал сегодня размывается, как и декларированные психологией развития нормы “правильного” детства [6]. На примере исследования общения в реальной жизни и в сети можно будет увидеть различие и сходство, а возможно, и некоторые особенности взаимодействия между нормативными моделями поведения в этих мирах. Данные современных исследований в этой области позволяют предположить, что в условиях стремительной конвергенции реального и виртуального миров вопрос о нормативных моделях не может иметь однозначного доминирования “старого” или “нового” варианта решения. Например, опираясь на работы М. Мид [2], многие предполагают, что цифровое поколение — подростки и молодежь — выступят

в качестве “законодателей” собственных, уникальных для интернета правил, которым обучат своих родителей. Тем не менее эмпирические исследования свидетельствуют скорее об отсутствии единой модели межпоколенческого взаимодействия с доминированием самостоятельного освоения и постепенным одновременным выходом на первый план традиционной постфигуративной (от родителей детям) и кофигуративной (в рамках поколения) моделей [4].

Одна из идей, заключенных в понятии “цифрового гражданства”, состоит в том, что по мере развития цифрового общества интернет задает свои социальные нормативы, не связанные напрямую с навыками и знаниями в реальной жизни, — что хорошо и что плохо делать онлайн, как себя вести в различных ситуациях и т.п. [14]. Представители цифрового поколения в ходе цифровой социализации становятся и создателями, и реципиентами формирующихся в онлайн-контекстах ценностей, правил и отношений. Но и здесь наблюдается определенная динамика. Исследования российских подростков 2010 и 2013 гг. [5] позволили предположить, что если для подростков, осваивавших интернет в 1990-е — начале 2000-х гг., он часто становился анонимным пристанищем, пространством бесконтрольной и безнаказанной свободы, которое они тщательно оберегали от глаз взрослых, то подростки пограничного между *Y* и *Z* поколения сделали значительный шаг в сторону взрослых. Они осваивают интернет вместе с ними, сообщают об участии школы в этом процессе, более готовы доверять родителям, учителям, а не только друзьям. По некоторым данным, просоциальное поведение в онлайн-общении современных подростков значительно превосходит антисоциальное [8]. Возможно, это косвенное свидетельство развития цифрового гражданства как системы правил и социальных регуляторов, обеспечивающих их выполнение. Но обсуждать нормативы и регуляторы цифрового гражданства возможно после ответов на многие вопросы, среди которых остается пока открытым один из основных — каковы нормы и правила онлайн-общения для разных возрастных групп и чем они отличаются от традиционных норм поведения в офлайн.

Целью данной работы является сравнительный анализ оценки подростками, молодыми людьми и родителями подростков соблюдения принятых в современном обществе правил общения как в реальной жизни (офлайн), так и онлайн, а также выявления связи между оценками соблюдения этих правил и некоторыми представлениями всех групп респондентов о причинах более открытого

выражения мнений в интернете и причинах травли другого в сети. Выдвигались следующие гипотезы:

1. Во всех возрастных группах респонденты менее склонны соблюдать правила общения в онлайн-контекстах по сравнению с офлайн-контекстами, в которых эти правила формировались. В силу недостаточной сформированности культуры повседневного общения у подростков это расхождение у них будет более выражено, чем у родителей.

2. Правила общения, принятые в офлайн, в онлайн реже соблюдают те, кто в качестве причин, объясняющих и рационализирующих предпочтение открытого выражения собственного мнения и агрессии в сети, называют характеристики и возможности, которые позволяют проще реализовать эти намерения в цифровом пространстве.

МЕТОДИКА

Сбор данных проводился Фондом развития интернета при поддержке компаний РАЭК и Google. Опрос проводился методом личного интервью по анкетам для каждой возрастной группы. Для отбора интервьюеров, обладающих соответствующим профессиональным уровнем, была использована университетская сеть²: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Дагестанский государственный педагогический университет, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Казанский федеральный университет, Вятский государственный университет, Уральский государственный педагогический университет, Тюменский государственный университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Новосибирский государственный университет, Тихоокеанский государственный университет, Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга.

Для проведения опроса было отобрано 68 опытных интервьюеров-психологов. Работа интервьюеров контролировалась сотрудниками Фонда развития интернета и факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Подростки и молодые люди включались в исследование, только если пользовались интернетом.

² Авторы благодарят за помощь всех специалистов из разных городов, участвовавших в сборе и оцифровке данных.

Родители включались в исследование, если у них были пользующиеся интернетом дети 12–17 лет.

Участники исследования. 1029 подростков в возрасте от 14 до 17 лет (из них 47% юношей), 525 подростков в возрасте от 12 до 13 лет (из них 45.7% юношей), 736 молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет (из них 40.8% мужчин, средний возраст 23.33 ± 3.9 года) и 1105 родителей (из них 19.4% мужчин) подростков 12–17 лет. Возраст родителей варьировал от 28 до 65 лет (средний возраст 41.21 ± 5.63 года). Респонденты представляли 17 городов из восьми федеральных округов: Южного (Ростовна-Дону, Волгоград), Приволжского (Казань, Киров), Сибирского (Кемерово, Новосибирск), Дальневосточного (Магадан, Петропавловск-Камчатский, Хабаровск), Северо-Кавказского (Махачкала, Владикавказ), Северо-Западного (Санкт-Петербург, Вологда), Центрального (Москва, Московская область), Уральского (Тюмень, Екатеринбург).

В данной статье представлена часть результатов, полученных при помощи следующих методик.

1. Оценка *соблюдения правил общения онлайн и офлайн* была субъективной. Экспертами-психологами было сформулировано девять общих правил межличностного общения, описывающих нормы соблюдения вежливости, ответственности, внимательности и взаимности: “Будьте вежливы со своими собеседниками”, “Ведите себя в соответствии с правилами того места, в котором находитесь”, “Культурно и грамотно выражайте свои мысли”, “Делитесь только проверенной информацией”, “Делитесь своими знаниями, уважайте вклад других в обмен знаниями”, “Регулируйте выражение своих эмоций, ваши слова и действия могут задеть других”, “Уважайте частную жизнь и личные границы других людей”, “Используйте свой авторитет и возможности не во вред другим”, “Будьте терпимы к недостаткам окружающих вас людей”. Респондентов просили оценить, насколько часто они соблюдают каждое правило “В реальной жизни” и “В интернете” по шкале Лайкерта от 1 (“Никогда”) до 5 (“Постоянно”).

Пункты, оценивающие соблюдение правил общения, факторизовались отдельно для деятельности онлайн и офлайн. Во всех группах результаты свидетельствуют в пользу однофакторного решения, объясняющего 39.58–41.81% дисперсии данных для общения офлайн и 44.41–53.12% дисперсии данных для общения онлайн. Учитывая высокую надежность-согласованность (табл. 1), на основе усреднения ответов рассчитывались показатели соблюдения правил онлайн и офлайн.

Таблица 1. Согласованность шкал соблюдения правил общения онлайн и офлайн в разных группах (коэффициент альфа Кронбаха)

Шкала	Под- ростки 12–13 лет	Под- ростки 14–17 лет	Моло- дежь	Родители под- ростков 12–17 лет
Соблюдение правил общения офлайн	0.82	0.84	0.80	0.86
Соблюдение правил общения онлайн	0.86	0.86	0.84	0.88

2. Для оценки субъективных причин предпочтения онлайн-общения офлайну при выражении своего мнения и агрессии задавались два косвенных вопроса. “Некоторые люди предпочитают выражать свое мнение о другом человеке только онлайн, но не лично. Как вы думаете, почему? Выберите не более трех вариантов ответа”. Варианты ответов оценивались по бинарной шкале (выбрано или нет) и были следующими: “Проще и быстрее”, “Более болезненно”, “Менее болезненно”, “Боятся увидеть реакцию другого”, “Больше людей узнают об этом”, “Можно остаться анонимным”, “Можно остаться безнаказанным”, “Не так стыдно”, “Затрудняюсь ответить”. Второй вопрос: “Как Вам кажется, для чего человек травит другого в интернете? Выберите все подходящие варианты ответа”. Варианты ответов также оценивались бинарно и были следующими: “Поэкспериментировать и посмотреть на реакцию других людей”, “Просто развлечься”, “За компанию с друзьями”, “Выразить свое отношение”, “Выплеснуть накопившийся негатив”, “Показать свою силу и превосходство”, “Добиться какой-то своей цели, получить выгоду”, “Поддержать свою репутацию”, “Отомстить”, “Причинить вред другому”. На эти вопросы не отвечали подростки 12–13 лет, поэтому они исключены из соответствующего анализа.

Обработка данных проводилась в программе SPSS23.0.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Правила общения онлайн и офлайн: сравнение поколений

Проводился дисперсионный анализ с повторными измерениями 2 способа общения (офлайн, онлайн) $\times$ 9 (правила) $\times$ 4 (родители, молодежь, подростки 11–13 лет и подростки 14–17 лет). Как показано на рис. 1, в среднем во всех условиях люди

отвечают, что скорее соблюдают правила: их средние баллы выше 3.9 балла по шкале от 1 до 5.

Максимальные различия, хотя и со средним статистическим эффектом, отмечаются между соблюдением правил онлайн и офлайн ($F = 353.75$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.10$). Все участники исследования чаще соблюдают правила офлайн (“в реальной жизни”), чем онлайн (рис. 1). Это закономерный результат, исходя из того, что культура повседневного межличностного взаимодействия формировалась веками, а культура цифрового общения в историческом контексте находится лишь в начальной стадии своего развития. В то же время разница между этими сферами коммуникации не так велика, как можно было бы предположить. Отметим, что меньше всего эта разница выражена у родителей, выше она у молодых людей и максимальна — у подростков ($F = 15.84$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.02$).

Соблюдение правил как онлайн, так и офлайн зависит также от того, о каких правилах в целом идет речь ($F = 249.79$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.07$). При общении и офлайн, и онлайн люди стараются быть вежливыми, уважать частную жизнь и личные границы других людей и соблюдать правила того места, где находятся. Менее важно для них культурно выражать свои мысли, делиться только проверенной информацией и участвовать во взаимном обмене знаниями, регулировать выражение своих эмоций, быть терпимыми и не использовать свой авторитет во вред другим. Эффект этот опосредствуется (хотя и в слабой степени) тем, кем являются респонденты: подростками, родителями или молодыми людьми ($F = 4.96$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.01$). В частности, для молодежи и подростков важность обмена знаниями, использования проверенной информации и регулирования выражения своих эмоций неочевидна. Эффект опосредствуется также тем, идет ли речь о правилах онлайн или офлайн ($F = 8.79$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.003$), однако это опосредствование настолько неярко выражено, что не достигает даже условной границы слабых эффектов.

Как видно на рис. 2, родители в целом более склонны соблюдать правила общения как офлайн, так и онлайн, по сравнению с подростками и молодежью ($F = 91.98$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.08$, по результатам *post hoc* сравнения по критерию Шеффе различия со всеми тремя группами на уровне $p < 0.01$). Отметим, что в наименьшей степени соблюдают правила общения и онлайн, и офлайн не младшие подростки, а подростки 14–17 лет, что может отражать особенности возраста (по критерию Шеффе их показатели ниже, чем у молодежи, $p < 0.01$). По-видимому, стремление старших подростков к “проверке” правил на собственном опыте, критическое

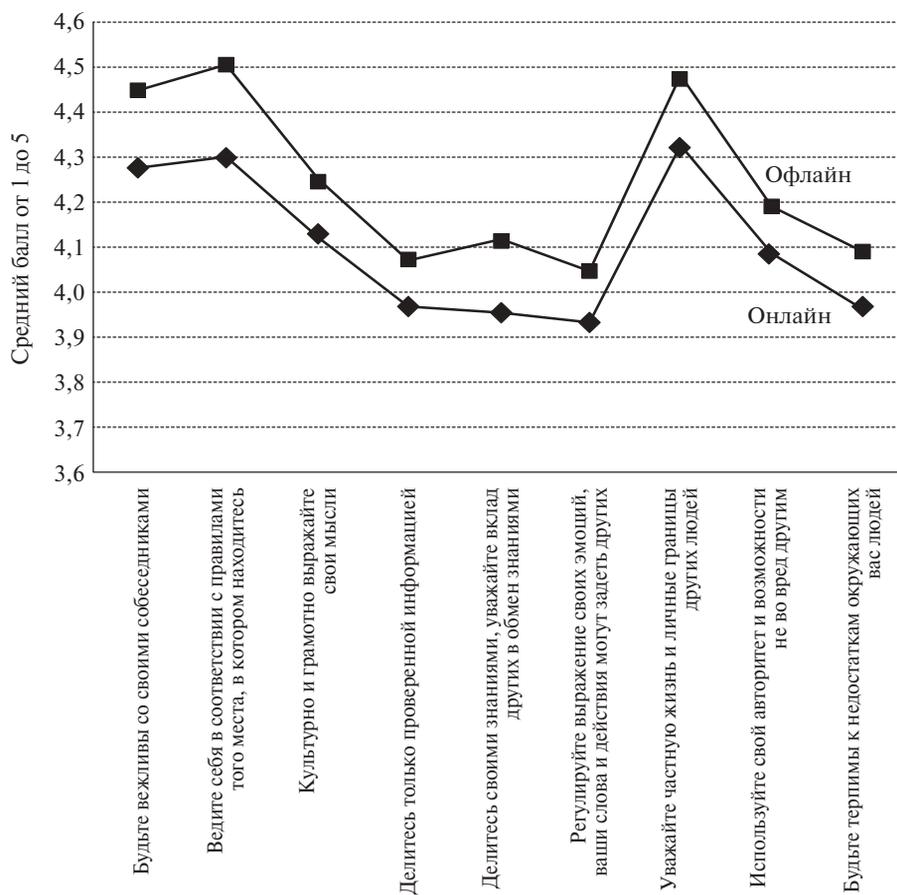

Рис. 1. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн (все выборки)

отношение к авторитетам и нормам, отстаивание своего права отличаться и вести себя особым образом проявляются у них как онлайн, так и офлайн.

Наконец отмечается и эффект взаимодействия всех трех факторов ($F = 5.58, p < 0.01, \eta^2 = 0.01$). Однако, как и в отношении предыдущих эффектов взаимодействия, он крайне слабый. Если в отношении правил вежливости, учета места, где

находишься, терпимости максимальный разрыв между общением онлайн и офлайн, наблюдавшийся у подростков, уменьшается у молодежи и практически исчезает у взрослых, то в отношении достоверности информации, обмена знаниями и неиспользования авторитета во вред разрыв максимален в группе младших подростков, а молодежь и старшие подростки практически не различаются по соблюдению этих правил. Наоборот, когда речь идет об уважении частной жизни и регуляции эмоций, различие онлайн- и офлайн-общения наиболее очевидно у молодежи.

В отличие от основных эффектов, эффекты взаимодействия крайне слабые и достигают принятого уровня значимости лишь за счет большой выборки, при этом ответы в отношении разных правил общения хорошо согласуются между собой. Общую картину удобно представить рисунком (рис. 2): с возрастом люди больше склонны соблюдать правила общения как онлайн, так и офлайн ($F = 101.24, p < 0.01, \eta^2 = 0.08$), хотя во всех случаях в онлайн-общении делают это не так усердно, как офлайн ($F = 369.40, p < 0.01, \eta^2 = 0.10$). При этом у родителей различие между онлайн- и офлайн-общением меньше, чем у молодежи

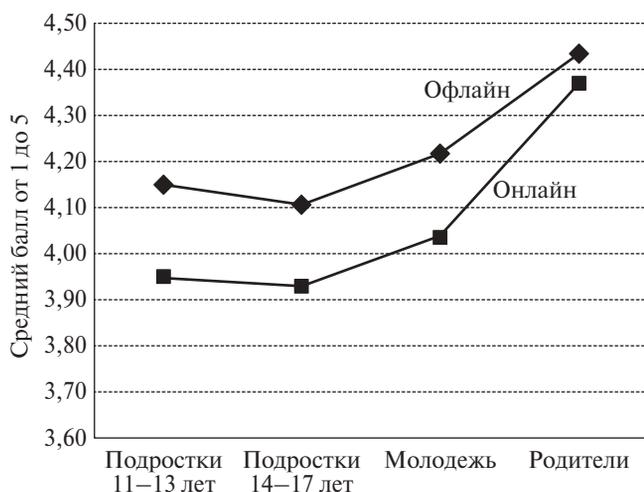

Рис. 2. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн в разных группах

и подростков, а в 11–13 лет оно максимально ($F = 17.78, p < 0.01, \eta^2 = 0.02$).

Добавление в модель пола респондентов мало меняло общую картину: в целом девушки-подростки и женщины более склонны к соблюдению правил общения, по сравнению с юношами и мужчинами ($F = 45.23, p < 0.01, \eta^2 = 0.01$), а все эффекты взаимодействия пола с типом общения (онлайн/офлайн) и группой (родители/подростки/молодежь), хотя и достигают принятого уровня значимости в наших выборках, настолько слабы по величине, что, по-видимому, ими можно пренебречь ($F = 2.27–19.18, p < 0.01, \eta^2 = 0.002–0.006$). Эффект взаимодействия всех трех факторов не был выявлен.

Субъективные причины предпочтения онлайн-общения офлайн-общению при выражении своего мнения и агрессии

Для оценки того, каким образом респонденты объясняют и рационализируют предпочтения людей открыто выражать свои мнения онлайн и каковы причины агрессии в сети, в данном исследовании задавались два косвенных вопроса: почему, с точки зрения респондента, некоторые люди предпочитают выражать свое мнение о других онлайн, а не офлайн, а также по каким причинам люди чаще предпочитают подвергать других травле онлайн.

Было выявлено, что представители всех трех поколений в качестве основных причин большей свободы в выражении личного мнения в сети в первую очередь называют “анонимность”, “безнаказанность”, “простоту” и меньший страх “увидеть реакцию другого”. С точки зрения подростков, пальма первенства здесь принадлежит анонимности, молодежи — безнаказанности, а поколение родителей

отдает ее простоте и скорости, с которой это можно сделать. Подростки и молодежь считают, что это легче сделать также и потому, что не видно реакции жертвы. Каждый третий подросток считает, что в сети быть грубым и агрессивным “не так стыдно”, а каждый четвертый уверен, что онлайн-агрессия менее болезненна. Кроме того, каждый десятый опрошенный отмечает, что онлайн-агрессия имеет “тайное оружие” за счет масштабности: больше людей узнают об этом мнении. Хотя различия в ответах о причинах между подростками, молодыми людьми и родителями достигают принятого в гуманитарных науках уровня значимости $p < 0.05$, они невелики. Таким образом, родители чаще говорят, что онлайн — проще и быстрее или что не понимают причин склонности детей и подростков высказываться онлайн, а не офлайн. Подростки чаще говорят о том, что онлайн — не так стыдно, менее болезненно и анонимно. Молодежи более важна безнаказанность.

При ответе на второй вопрос: для чего человек травит другого в интернете — более половины представителей всех поколений выделили два общих мотива: власть и развлечения. Так, агрессор может демонстрировать свою силу и превосходство, самоутверждаться за счет жертвы травли. С другой стороны, еще чаще мотивом становится развлечение: в таком случае агрессор может не воспринимать тот урон, который наносится жертве. Характеристики онлайн-пространства способствуют этому: анонимность самого агрессора, невидимость эмоциональной реакции жертвы, обесценивание наносимого урона со стороны агрессора приводят к тому, что большинство респондентов единогласно выделяют этот мотив. Для каждого второго молодого человека и подростка характерен еще один мотив — освобождение от накопившегося негатива. Интернет-пространство

Таблица 2. Причины выражения своего мнения о других онлайн, но не лично: глазами подростков, молодежи и родителей

Причины выражения своего мнения онлайн, но не лично	Подростки 14–17 лет	Молодежь	Родители о подростках 11–13 лет	Родители о подростках 14–17 лет	Хи-квадрат	Стат. эффект V Крамера
	%					
Можно остаться анонимным	44.0	43.6	37.1	39.3	8.08*	0.05
Бояться увидеть реакцию другого	41.4	41.9	36.3	34.1	13.60**	0.07
Можно остаться безнаказанным	42.2	49.9	41.2	37.9	22.50**	0.09
Проще и быстрее	36.7	43.4	43.4	47.4	20.28**	0.08
Не так стыдно	33.1	25.8	25.0	21.7	30.09**	0.10
Менее болезненно	25.6	21.0	13.7	17.4	30.03**	0.10
Больше людей узнают об этом	14.4	8.7	11.0	9.1	18.11**	0.08
Более болезненно	7.3	3.1	4.1	6.5	16.40**	0.08
Затрудняюсь ответить	5.7	3.4	8.2	9.9	27.97**	0.10

Примечание. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

становится местом слива для негативных переживаний и эмоций, зачастую за счет переадресации этих эмоций другим более слабым и уязвимым (феномен козла отпущения). Подростки также часто выбирают желание отомстить (42%) и причинить вред (41%) другому, т.е. намеренную агрессию. Групповой характер кибербуллинга выявляется и частотой выбора мотива “за компанию с друзьями” — 41% молодежи и 39% подростков. Треть подростков и молодых людей считают, что травля в сети возникает из-за желания поддержать свою репутацию и добиться определенной цели или выгоды. Четверть подростков и молодежи указывает на желание поэкспериментировать и посмотреть на реакцию других людей. Здесь звучит мотив трикстера, проверяющего границы своих возможностей и ограничений со стороны социума. Треть подростков и четверть молодежи предполагают, что травля может использоваться для выражения свое отношения или собственного мнения. Это свидетельствует о низком уровне конфликтной компетентности среди молодого поколения, когда предпочитают деструктивные стратегии поведения в конфликте, направленные на унижение достоинства другого, а не используются эффективные способы урегулирования разногласий и прояснения ситуации в личном общении.

Каждый из вариантов ответов добавлялся в ANOVA с повторными измерениями, описанными выше. Остановимся на анализе основных эффектов и эффектов взаимодействия, достигающих уровня значимости $p < 0.05$.

Вопреки ожиданиям, было показано, что те, кто считает, что интернет помогает людям остаться анонимным, были больше готовы соблюдать правила общения как онлайн, так и офлайн (рис. 3). Этот эффект был невелик по размеру и не зависел от группы респондентов и формы общения ($F = 9.86, p < 0.01, \eta^2 = 0.004$).

Еще два слабых эффекта взаимодействия установлены в отношении ощущения безнаказанности онлайн и того, что онлайн выражать свое мнение “не так стыдно”. С одной стороны, у тех, кто не считает, что интернет позволяет людям остаться безнаказанными, расхождение между соблюдением правил онлайн и офлайн меньше, чем у тех, кто так считает ($F = 6.08, p < 0.05, \eta^2 = 0.002$). Интересно, что представления о безнаказанности онлайн ни в одной из групп не связаны с соблюдением правил общения онлайн: эффект определяется именно расхождением между онлайн и офлайн. Серия отдельных анализов показывает, что у родителей, не считающих безнаказанность основанием выражать мнение онлайн, меньше расхождение

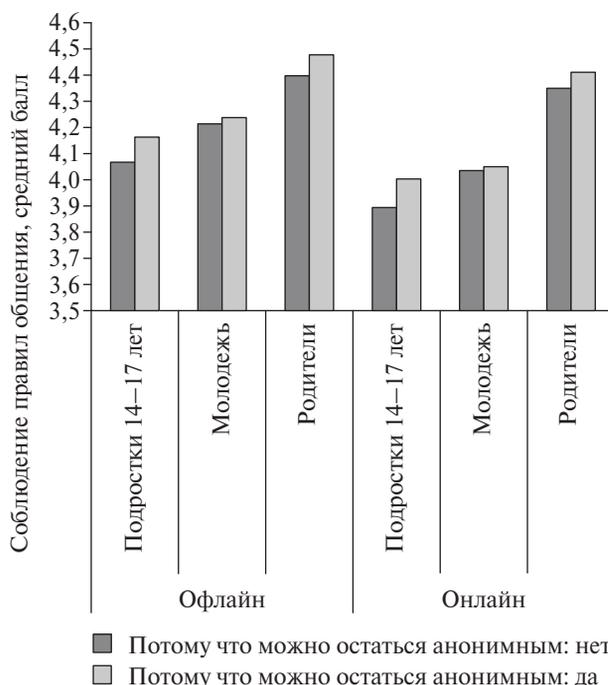

Рис. 3. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн у тех, кто объясняет предпочтение онлайн выражения своего мнения анонимностью, и тех, кто так не считает

между соблюдением правил общения онлайн и офлайн ($F = 3.97, p < 0.05$), у молодежи это эффект достигает уровня тенденции ($F = 2.71, p < 0.10$). При отдельном же анализе в группе подростков этот эффект незначим, хотя в общем анализе он выявляется как основной эффект для всех трех групп. С другой стороны, у родителей, которые считают, что выражать свое мнение онлайн “не так стыдно”, как офлайн, расхождение между онлайн и офлайн меньше, чем у тех, кто так не считает, а у молодежи и подростков представления о стыде не связаны с соблюдением правил онлайн ($F = 3.36, p < 0.05, \eta^2 = 0.002$, при отдельном сравнении в группе родителей $F = 5.54, p < 0.05$, рис. 5). В других группах таких различий нет.

Люди, которые считают, что причина травли — выплескивание накопившегося негатива, менее склонны соблюдать правила общения, неважно, онлайн или офлайн ($F = 6.95, p < 0.01, \eta^2 = 0.003$). Напротив, те, кто говорит о том, что люди хотят показать свое превосходство, чаще соблюдают правила ($F = 8.61, p < 0.01, \eta^2 = 0.003$); особенно выражен этот эффект у родителей ($F = 3.63, p < 0.05, \eta^2 = 0.003$). Те, кто говорит, что такие люди хотят причинить другим вред, тоже чаще соблюдают правила сами ($F = 7.92, p < 0.01, \eta^2 = 0.003$), особенно это касается онлайн ($F = 8.08, p < 0.01, \eta^2 = 0.003$, рис. 6).

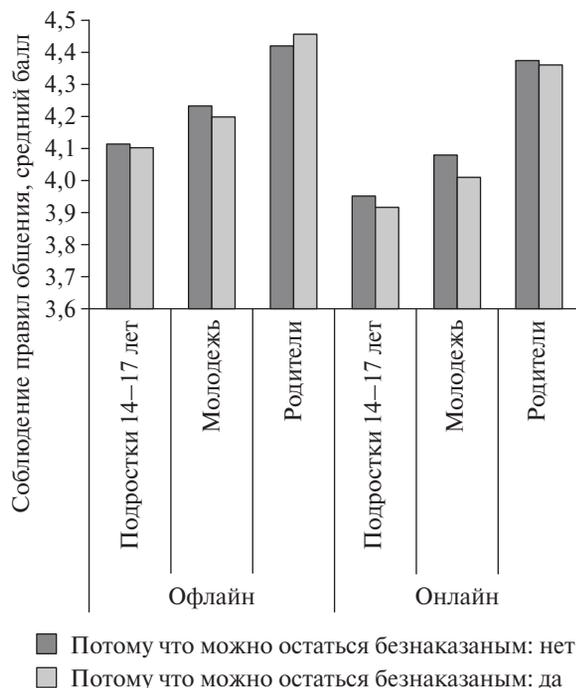

Рис. 4. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн у тех, кто объясняет предпочтение онлайн выражения своего мнения безнаказанностью, и тех, кто так не считает

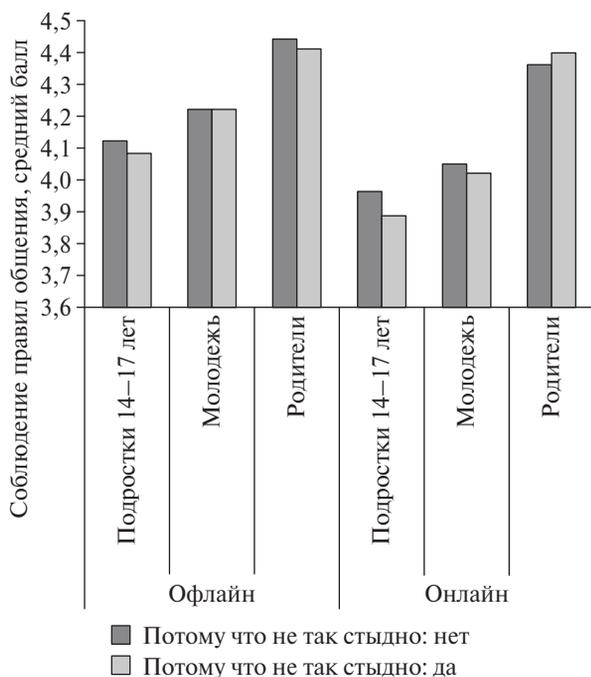

Рис. 5. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн у тех, кто объясняет предпочтение онлайн выражения своего мнения меньшим стыдом, и тех, кто так не считает

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Регуляторы общения онлайн и офлайн: сравнение поколений. В целом цифровое пространство больше не воспринимается представителями всех

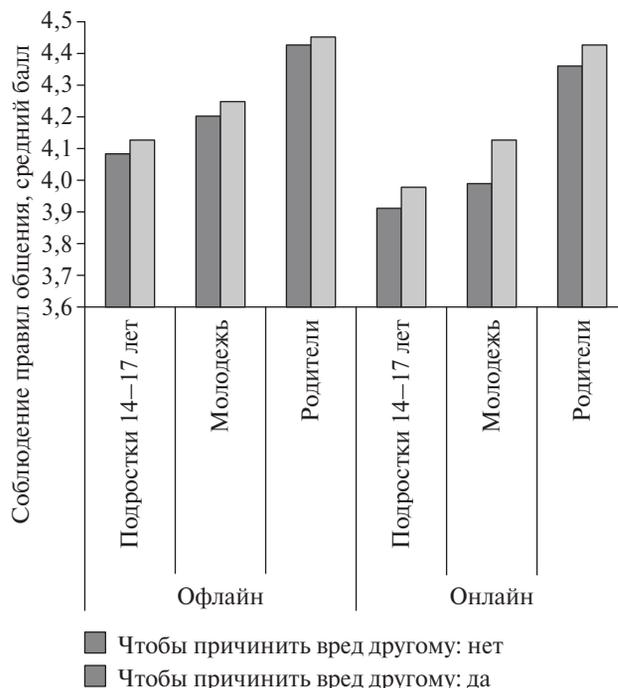

Рис. 6. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн у тех, кто объясняет травлю онлайн стремлением причинить вред другим, и тех, кто так не считает

поколений [6] как пространство бесконтрольной свободы: в нем есть регуляторы, социально поддерживаемые и одобряемые правила общения. В первую очередь, это традиционные нормы поведения, которые становятся и онлайн-правилами: быть вежливыми, не нарушать правил группы, в которой находишься, не нарушать личные границы людей. В онлайн-общении меньше соблюдаются по сравнению с офлайн-общением такие важные правила позитивной коммуникации, как необходимость осторожного отношения к информации, взаимность в обмене знаниями, регуляция своих эмоций и терпимость.

Однако правила цифрового общения по-прежнему не столь регламентированы, как правила офлайн-общения: во всех случаях ответственность в цифровом общении «отстает» от ответственности в непосредственном межличностном общении. Различия становятся особенно заметными, когда сравниваются разные возрастные группы. Родители легко проецируют усвоенные и регламентированные системы традиционных правил общения в интернет и практически не видят разницы в коммуникациях онлайн и офлайн. Таким образом, родители относятся к общению онлайн и офлайн скорее одинаково, а для подростков 11–13 лет разница между коммуникациями в этих реальностях — максимальна. Возможно, это отражение личностной зрелости взрослых, например более ответственного отношения ко всему, которое

формируется с возрастом, в том числе и к онлайн-миру. Причина может быть также в особенностях освоения и использования интернета, которые оказались различными для поколений нашего исследования. “Погружаясь” в цифровой мир в раннем детстве, младшем и среднем школьном возрасте, дети не сталкиваются в нем с таким регламентированным социальным порядком, который им приходится соблюдать под постоянной опекой родственников и педагогов в семье, школе, на улицах города. Вырываясь из жесткой системы реальности с давно устоявшимися культурными нормами поведения, дети цифрового поколения попадают в мир, который ими воспринимается как анонимный, “безнаказанный”, свободный и не требующий обязательного соблюдения принятых норм общения. Несмотря на то что разницы между непосредственным межличностным общением и общением, опосредствованным интернетом, они часто не замечают [12], другой человек по ту сторону экрана компьютера для них нередко представляется не таким “живым” и переживающим, как в реальной жизни. Это позволяет отнестись к нему с меньшей ответственностью и при обмене информацией, и при соблюдении традиционных правил общения в сети. По мере взросления представителей цифрового поколения эта ситуация, похоже, меняется медленно: различия между молодежью и старшими подростками есть, но не столь велики, как можно было бы ожидать. В отличие от этого родители, видимо, сразу воспринимают в интернете Другого в соответствии с теми правилами, которые уже сформированы их предыдущими условиями социализации, и гораздо чаще ведут себя по отношению к нему не менее ответственно, чем по отношению к людям в реальном мире.

С точки зрения развития таких важных составляющих личностной зрелости, как ответственность, внимательность и взаимность в общении, “взросление” подростков офлайн опережает онлайн. Хотя подростки живут в смешанной реальности и границы, разделяющие онлайн и офлайн, для них размыты, они чаще руководствуются в онлайн-общении другими по сравнению с реальным миром правилами. С практической точки зрения это указывает на важность помощи подросткам с учетом особенностей цифрового общения в формировании эмпатии по отношению к другим людям не только офлайн, но и онлайн.

Заметим, что гендерные особенности, хотя и влияют на соблюдение правил общения (девочки и женщины более склонны соблюдать правила общения по сравнению с мужчинами и мальчиками), это влияние не специфично ни для интернета,

ни для цифрового поколения, и не опосредствуется тем, о каких правилах идет речь. С практической точки зрения это означает, что хотя наиболее “нуждающейся” аудиторией для формирования коммуникативных навыков онлайн-общения выступают юноши, для девушек такого рода поддержка не менее важна.

На пути к пониманию и развитию коммуникативной онлайн-ответственности: роль цифровой социализации. Процесс становления личности, ее адаптации и интеграции в социальную систему информационного общества сегодня затруднен без цифровой социализации — опосредованного всеми доступными субъекту цифровыми технологиями процесса овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах. В сложном переплетении традиционной и цифровой социализации сегодня рождаются новые культурные практики, новые феномены, специфические системы межличностных отношений и коммуникаций. Исследователи склоняются к тому, что это результат взаимодействия социума, культуры, технологии [11], а также процессов развития личности. Общество больше всего волнуют негативные итоги такого взаимодействия. Например, в соответствии с классическими социально-психологическими экспериментами, демонстрирующими диффузию ответственности, кажется очевидным, что интернет, открывающий безграничные возможности для безнаказанности и анонимности, постоянного наличия значительного количества более или менее молчаливых свидетелей, более или менее авторитетных участников [1], должен провоцировать отчуждение, обесценивание, агрессию и безответственность.

Однако в настоящее время эти эффекты выглядят не столь существенными: по крайней мере, на субъективном уровне цифровой мир сегодня вполне структурирован и строится в определенном смысле “по образу и подобию” мира офлайн. Но если традиционные правила общения становятся для старшего поколения в большинстве случаев также и правилами поведения в сети, то у представителей цифрового поколения (и особенно у подростков), которые находятся в процессе контролируемой традиционной и слабо контролируемой цифровой социализации, выражена меньшая готовность по сравнению с другими поколениями переносить в полной мере навыки “правильного” поведения в сеть. Причем у респондентов всех поколений восприятие цифрового мира связано с представлением о том, что это пространство, где можно выплеснуть негатив и остаться безнаказанным, а у подростков — еще и с тем, что в интернете

можно избежать стыда при выражении своего мнения. Наоборот, критичность, лучшее понимание того, что происходит между собеседниками онлайн, могут помочь человеку в обретении ответственной позиции как онлайн, так и офлайн. Именно этим, с нашей точки зрения, объясняется большая готовность к соблюдению правил онлайн у тех, кто замечает, что в кибертравле один человек стремится причинить вред другому, может доказывать свое превосходство и при этом остаться анонимным. В отличие от утверждений о наказании и стыде, утверждения об анонимности и мотивации травли требуют от человека рефлексии того, как происходит онлайн-общение и что испытывают его участники. Возможно, такая рефлексия — шаг к большей ответственности.

Эти данные позволяют предполагать, что развитие ответственности по отношению к другим людям в интернете возможно в результате обсуждения сходства и различий побуждений, ролей и влияния онлайн-коммуникации на собеседников с тем, как это происходит в реальной жизни. У подростков дополнительное внимание должно уделяться переживанию стыда и возможности выразить свои чувства напрямую: по-видимому, именно потаенные чувства, которые подросток стыдится показывать другим напрямую, могут побудить его обратиться к интернету как к месту, где правил можно не соблюдать. Образно говоря, там, где не видно эмоций и глаз другого человека, легче говорить то, что не решаешься сказать в глаза.

Несмотря на сближение онлайн и офлайн, по критериям, которые мы рассматриваем в данной статье, выявлены значимые различия, определяемые особенностями цифровой среды. Во всех трех группах несоблюдение правил общения связано с представлением, что интернет дает возможность выплеснуть негатив и остаться безнаказанным. На наш взгляд, это результат недостаточного присутствия эмоциональной обратной связи в онлайн [10; 12]. Более того, опираясь на классические социально-психологические работы о проявлениях агрессии в больших группах, можно вслед за рядом исследователей [10] предварительно предполагать, что интернет может провоцировать снижение чувствительности к осознанию причиняемого вреда, а также снижение уровня страха перед угрозой выявления и наказания за агрессивное поведение.

Соблюдать правила онлайн скорее склонны те родители, молодые люди и подростки, которые, говоря о причинах предпочтения онлайн в выражении своего мнения и при травле, апеллируют к социальным ролям и самопрезентации (остаться анонимным, доказать превосходство), а также

последствиям для другого (причинение вреда). Предполагается, что поскольку цифровая социализация по сравнению с традиционной происходит не в столь тесном контакте со взрослыми и часто без непосредственной обратной связи с ними, личностное взросление подростков офлайн опережает онлайн. У взрослых же выработаны единые регуляторы в отношении общения, и разница офлайн и онлайн почти незаметна. С практической точки зрения полученные результаты свидетельствуют о важности обсуждения с подростками особенностей онлайн-коммуникации, повышения критичности в отношении мотивации, ролей, переживаний других людей онлайн.

Таким образом, результаты исследования позволяют в соответствии с высказанными предположениями сделать следующие выводы. Во-первых, представители всех возрастных групп реже соблюдают общепринятые правила общения в онлайн, по сравнению с офлайн, при этом чем младше респонденты, тем ниже не только их склонность соблюдать такие правила, но и готовность их соблюдать (в первую очередь это касается мальчиков-подростков). Причем чаще нарушают правила общения те подростки, которые входят в группу “гиперподключенных” и склонны к проблемному использованию интернета. Добавим, что одна из очевидных причин здесь в том, что подростки вообще меньше соблюдают принятые в обществе правила поведения. Во-вторых, специфика интернет-коммуникации, в частности отсутствие непосредственного контакта, определяющего в том числе снижение ответственности за результаты взаимодействия, провоцирует у подростков более частое несоблюдение традиционных правил общения.

Тем не менее в онлайн-пространствах уже отчетливо обозначены регуляторы коммуникации, представляющие разделяемые большинством правила и нормы офлайн-общения, и респонденты, принадлежащие разным поколениям, в целом лишь не намного чаще оценивают офлайн-общение по сравнению с онлайн-общением как более внимательное, взаимно вежливое, реципрокное и ответственное, особенно с точки зрения соблюдения личных границ. Это одно из доказательств неуклонно происходящей конвергенции реального и виртуального миров и формирования общих правил коммуникации. Но несмотря на то, что каждый второй ребенок живет в такой конвергирующей “смешанной” реальности и границы между реальным и виртуальным мирами все более размываются, менее контролируемая взрослыми цифровая социализация приводит к тому, что в онлайн-пространствах и в смешанной реальности

переключения от онлайн к офлайну те подростки, которые наиболее активно пользуются интернетом, существуют в ситуации “двойных стандартов” общения и позже достигают того уровня коммуникативной компетентности, который соответствует принятым нормам реального мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 74–84.
2. *Мид М.* Культура и преемственность: исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 322–361.
3. *Поливанова К.Н.* Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 5–10.
4. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Цифровая ситуация развития межпоколенческих отношений: разрыв и взаимодействие между подростками и родителями в Интернете // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 134–143.
5. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
6. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.
7. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
8. *Erreygers S., Vandebosch H., Vranjes I., Baillien E., De Witte H.* Nice or Naughty? The Role of Emotions and Digital Media Use in Explaining Adolescents' Online Prosocial and Antisocial Behavior // Media Psychology. 2017. V. 20 (3). P. 374–400.
9. *Goerzig A.* Adolescents' experience of offline and online risks: Separate and joint propensities // Computers in Human Behavior. 2016. V. 56. P. 9–13.
10. How technology changes everything (and nothing) in psychology: 2008 annual report of the APA Policy and Planning Board // American Psychologist. 2009. V. 64. Is. 5. P. 454–463.
11. *Larkin M., Wood R.T., Griffiths M.D.* Toward addiction as relationship // Addiction Research and Theory. 2006. V. 14. Is. 3. P. 207–215.
12. *Madell D., Muncher S.* Back from the beach but hanging on telephone? English adolescents' attitudes and experiences of mobile phone and the Internet // Cyberpsychology and Behavior. 2004. V. 7 (3). P. 359–367.
13. *Madell D., Muncher S.* Control over social interactions: An important reason for young people's use of the Internet and mobile phones for communication? // Cyberpsychology and Behavior. 2007. V. 10 (1). P. 137–140.
14. *Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S.* Digital citizenship: the Internet, society and participation. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
15. *Underwood M.K., Ehrenreich S.E.* The power and the pain of adolescents' digital communication: Cyber victimization and the perils of lurking // American Psychologist. 2017. V. 72 (2). P. 144–158.

FOLLOWING COMMUNICATION RULES ONLINE AND OFFLINE: INTERGENERATIONAL ANALYSIS³

G. U. Soldatova^{1,*}, E. I. Rasskazova^{1,2,**}

¹ *Moscow State University; 125009, Moscow, Mokhovaja str., 11/9, Russia.*

² *Mental Health Research Center; 115522, Moscow, Kashirskoje shosse, 34, Russia.*

*ScD (psychology), professor of personality psychology department.

E-mail: soldatova.galina@gmail.com

**PhD (psychology), associate professor of clinical psychology department, senior researcher of medical psychology department.

E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Received 25.06.2018

Abstract. Digital world is not just a part of the life of children and adolescents, but is a constant dimension of their socialization. According to the concept of “digital citizenship”, as the digital society develops, the Internet takes forms and supports rules for communication and behavior. The aim of this paper is to compare

³This work is supported by the Russian Science Foundation under grant № 18-18-00365 “Digital socialization in the cultural-historical perspective: intragenerational and intergenerational analysis”.

following communication rules online and offline in adolescents in comparison with young adults and parents, as well as its relationship with their opinions about reasons for the expression of opinion on the internet and the causes of online aggression. The study was conducted in 2018 in 17 cities in 8 federal districts of Russia and included 1,029 adolescents aged 14 to 17 years, 525 teenagers aged 12 to 13 years, 736 young people aged 17 to 30 and 1,105 parents of teenagers aged 12 to 17 years. Respondents assessed to what degree they follow different communication rules online and offline, as well as possible reasons for preferring online expression of their opinions and aggression. It was shown that online communication in many respects obeys the same rules as offline, but teenagers (especially boys) are less likely to comply with any rules of communication. The discrepancy between online and offline rules is also maximized in adolescents, but does not depend on gender. In all groups, less agreement with the rules of communication is related to belief that the Internet makes it possible to splash out the negative emotions and go unpunished. It is assumed that since digital socialization does not occur in such close contact with adults as offline and often has no direct feedback, the personal “maturation” of adolescentoffline goes ahead comparing to online. In adults unified communication regulation have been already developed, and the difference between offline and online is almost imperceptible. Practical recommendations for social programs are discussed.

Keywords: Digital socialization, rules of communication, online, the Internet, adolescents, intergenerational comparisons.

REFERENCES

1. *Emelin V.A., Thostov A.Sh.* Vavilonskaja set': jerozija istinnosti i diffuzija identichnosti v prostranstve interneta // *Voprosy filosofii*. 2013. № 1. P. 74–84. (in Russian)
2. *Mid M.* Kul'tura i preemstvennost': issledovanie konflikta mezhdu pokolenijami // *Mid M. Kul'tura i mir detstva*. Moscow: Nauka, 1988. P. 322–361. (in Russian)
3. *Polivanova K.N.* Detstvo v menjajushhemsja mire // *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*. 2016. V. 5. № 2. P. 5–10. (in Russian)
4. *Soldatova G.U., Rasskazova E.I.* Cifrovaja situacija razvitiya mezhpokolencheskih otnoshenij: razryv i vzaimodejstvie mezhdu podrostkami i roditeljami v Internete // *Mir psihologii*. 2017. № 1(89). P. 134–143. (in Russian)
5. *Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A.* Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'. Moscow: Smysl, 2017. (in Russian)
6. *Soldatova G.U.* Cifrovaja socializacija v kul'turno-istoricheskoj paradigme: izmenjajushhij rebenok v izmenjajushhemsja mire // *Social'naja psihologija i obshhestvo*. 2018. V. 9. № 3. P. 71–80. (in Russian)
7. *Thostov A. Sh.* Psihologija telesnosti. Moscow: Smysl, 2002. (in Russian)
8. *Erreygers S., Vandebosch H., Vranjes I., Baillien E., De Witte H.* Nice or Naughty? The Role of Emotions and Digital Media Use in Explaining Adolescents' Online Prosocial and Antisocial Behavior // *Media Psychology*. 2017. V. 20 (3). P. 374–400.
9. *Goerzig A.* Adolescents' experience of offline and online risks: Separate and joint propensities // *Computers in Human Behavior*. 2016. V. 56. P. 9–13.
10. How technology changes everything (and nothing) in psychology: 2008 annual report of the APA Policy and Planning Board // *American Psychologist*. 2009. V. 64. Iss. 5. P. 454–463.
11. *Larkin M., Wood R.T., Griffiths M.D.* Toward addiction as relationship // *Addiction Research and Theory*. 2006. V. 14. Iss. 3. P. 207–215.
12. *Madell D., Muncher S.* Back from the beach but hanging on telephone? English adolescents' attitudes and experiences of mobile phone and the Internet // *Cyberpsychology and Behavior*. 2004. V. 7 (3). P. 359–367.
13. *Madell D., Muncher S.* Control over social interactions: an important reason for young people's use of the Internet and mobile phones for communication? // *Cyberpsychology and Behavior*. 2007. V. 10 (1). P. 137–140.
14. *Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S.* Digital citizenship: the Internet, society and participation. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
15. *Underwood M.K., Ehrenreich S.E.* The power and the pain of adolescents' digital communication: Cyber victimization and the perils of lurking // *American Psychologist*. 2017. V. 72 (2). P. 144–158.